

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вниманию читателей предлагается незавершенная и неизвестная русскому читателю работа Льва Иосифовича Петражицкого, опубликованная Ежи Финкелькраутом в Варшаве в 1936 г. на польском языке и переведенная на русский язык Ярославом Болдиновым. Издание планировалось осуществить в год 150-летия со дня рождения великого русско-польского ученого с широчайшим горизонтом научных интересов, но в силу трагических обстоятельств книга не вышла в свет в 2017 г. В конце этого года ушел из жизни замечательный человек, глубокий цивилист Владимир Саурсевич Ем, один из тех российских ученых, которые в 1997 г. основали серию «Классика российской цивилистики». Книги данной серии публикуются издательством «Статут», основателем которого также являлся наш коллега и добрый друг. В 2002 г. в этом издательстве была опубликована монография Л. И. Петражицкого «Права добросовестного владельца на доходы», вступительная статья к которой была написана В. С. Емом в соавторстве с А. Г. Долговым и Е. С. Роговой. В ней В. С. Ем, сам будучи преподавателем, как принято говорить, от Бога, особо отмечал, что Л. И. Петражицкий создал свою систему превращения догм римского права в «живые» нормы гражданского законодательства эпохи промышленного капитализма. Этой книгой издательство заново открыло для молодых юристов как самого Л. И. Петражицкого в качестве выдающегося ученого цивилиста, так и одну из его лучших работ в области романистики, которая стала особенно актуальной в настоящее время, после включения принципа добросовестности в перечень системообразующих основных начал российского гражданского законодательства.

Владимир Саурсевич Ем является одним из инициаторов издания настоящей книги. Незадолго до его трагической кончины он рассказал мне о том, как во время знакомства с Олимпиадом Соломоновичем Иоффе, классиком советской цивилистики, ему помогло знание работ Петражицкого. Оказалось, что, обучаясь в аспирантуре юридического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова в начале 80-х гг. прошлого века, его научный руководитель Вениамин Петрович Грибанов порекомендовал своему аспиранту съездить на научную стажировку в Ленинградский университет, на кафедру гражданского права, которой

заведовал Олимпиад Соломонович. Встреча происходила в кабинете завкафедрой и поначалу была вежливо-холодной. Случайно В. С. Ем увидел на полке дореволюционное издание книги «*Bona fides* в гражданском праве», и он воспользовался случаем показать, что имя автора ему знакомо. В этот момент, рассказывал Владимир Саурсеевич, профессор Иоффе преобразился, он с жаром начал говорить о том, какой гениальной личностью был Петражицкий, благодаря чему появился контакт между молодым исследователем и общепризнанным авторитетом.

В книге о добросовестном владении содержались ценные идеи о необходимости создания отдельной науки политики права. Они были развиты в другой работе – «Введение в науку политики права» (1896–1897), которая представляла собой свободный перевод на русский язык написанной Петражицким на немецком языке «*Die Lehre vom einkommen*» (1893–1895). Последняя была написана 26-летним ученым во время его обучения в Русском институте римского права в Берлине. Наставниками молодых русских исследователей, позже ставших корифеями русской цивилистики (Д. Д. Grimm, А. М. Гуляев, И. А. Покровский, Е. В. Пассек), были известнейшие немецкие цивилисты Г. Дернбург и А. Пернис. Когда уже в XXI в. в Париже приступили к изданию 150-томного собрания сочинений самых известных авторов-юристов всех времен и народов, в нее из русскоязычных авторов была отобрана только эта работа молодого Петражицкого.

Я предложил В. С. Ему опубликовать незаконченную работу Л. И. Петражицкого «О комплементарных культурных течениях и закономерностях развития торговли», которая была написана в 1911 г., в самый плодотворный период научного творчества – период преподавания в Санкт-Петербургском университете. Петражицкому уже 44 года, он крупнейший ученый с европейской известностью, бывший декан юридического факультета, один из руководителей партии конституционных демократов (кадетов), наряду с такими крупными учеными и писателями, как В. И. Вернадский, Н. А. Гредескул, А. И. Каминка, В. Д. Набоков, П. Б. Струве, В. М. и И. В. Гессены. За спиной уже избрание в первый состав первого российского парламента – Государственную Думу.

Рукопись работы «О комплементарных культурных течениях и закономерностях развития торговли» была написана на русском языке и никогда не публиковалась в России. После кончины Л. И. Петражицкого в 1931 г. в результате самоубийства эта рукопись попала в руки его ученика, секретаря и первого биографа Петражицкого, Ежи Финкелькраута, который перевел ее с русского языка на польский

и опубликовал в 1936 г. благодаря поддержке общества имени Леона Петражицкого¹.

Варшавский период творчества оказался менее плодотворным, возможно потому, что возникли трудности с публикацией. Как и прежде, Петражицкий много писал, и, что поразительно, не только о праве, но и на темы из области философии права, логики, социологии права, экономической теории, политологии, философии науки и, конечно, психологии. В 1926–1929 гг. он читал курс лекций «Психология как основание социальных наук» на факультете права и политических наук в Варшавском университете, лекции по которому опубликованы в виде фрагментов в 1938 г. на польском языке в Варшаве.

Составленная после смерти Л. Петражицкого опись его рукописей состояла из нескольких десятков названий, а письменное наследие содержало многие тысячи страниц². Из этого столь обширного научного наследия в период между двумя войнами Обществу имени Леона Петражицкого в Варшаве, в основном благодаря его председателю Ежи Финкелькрауту (Ежи Лицкому), удалось напечатать несколько работ, общим объемом около 530 страниц³. Большая часть рукописей Л. Петражицкого утеряна, по-видимому, безвозвратно во время Второй мировой войны.

Увезенную из России рукопись на русском языке, опубликованную на польском языке в 1936 г., пришлось перевести на русский язык за-

¹ O dobre iniających prądach kulturalnych i prawach rozwoju handiu / z rękopisu wydruk [и перевел с русского языка] Jerzy Finkelkraut [Jerzy Licki]. Warszawa: Nakładem Towarzystwa im. Leona Petrażyckiego, 1936, 48a. Переиздание фрагментов: Pisma wybrane, 1985. S. 388–409 [см. поз. 84].

Ежи Лицкий (настоящая фамилия Финкелькраут) (12 октября 1901 г. – 31 марта 1982 г.) – ученик и биограф Леона Петражицкого. Выдающийся польский ученый, учитель и коллега профессора Варшавского университета, доктора наук Анджея Койдера (1941 года рождения) (дата защиты докторской диссертации: 23 июня 1997 г., тема: «Влиятельность и устойчивость права» («Codność i siła prawa»), факультет философии и социологии). Анджей Койдер также является исследователем работ Л. Петражицкого.

² См. об этом: *Finkelkraut J. Od wydawcy // Petrażycki L. Szkice filozoficzne. O tak zwanej metodzie krytycznej oraz o metafizyce i filozofii praktycznej Kanta / z rękopisu wydruk J. Finkelkraut [J. Licki], Warszawa: Nakładem Towarzystwa im. Leona Petrażyckiego, 1939, S. 3–6; Idem. Od wydawcy // Petrażycki L. Nowe podstawy logiki klasyfikacja umiejętności / z rękopisu wydruk J. Finkelkraut [J. Licki]. Warszawa: Nakładem Towarzystwa im. Leona Petrażyckiego, 1939. S. 6–7.*

³ См., напр.: *Petrażycki L. (1) Nowe podstawy logiki i klasyfikacja umiejętności; (2) Idem. O filozofii / z rękopisu wydruk J. Finkelkraut [J. Licki]. Warszawa: Nakładem Towarzystwa im. Leona Petrażyckiego, 1939; (3) Idem. Szkice filozoficzne...* Первая и третья работы опубликованы в книге: *Петражицкий Л. И. Теория и политика права. Избр. тр. / науч. ред. Е. В. Тимошина. СПб., 2010.*

ново. Очевидно, что утрачены стилистические особенности русского текста, несмотря на отличный перевод Я. В. Болдинова. Но главное — удалось сохранить для русскоязычных читателей и эту часть богатейшего научного наследия великого ученого. Теперь только на русском языке читателю доступно абсолютное большинство его произведений.

Оригинальная незаконченная рукопись не имела даже авторского названия. Мы решили опубликовать так, как ее озаглавил Ежи Финкелькраут — «О комплементарных культурных течениях и закономерностях развития торговли». Эта небольшая работа по истории экономики и культуры повествует о том, как экономическая культура одного народа оказывает влияние на развитие культуры другого, как обе они становятся комплементарными по отношению друг к другу. Вот уж действительно — доказательство его тезиса из «Введения в науку права» — «люди приходят и уходят, культура остается»¹. Под комплементарностью автор понимает взаимодополнение, взаимообогащение культур разных народов, находящихся на разных уровнях развития в результате международной торговли.

В то время как писалась эта работа, еще не было такой научной дисциплины, как культурология. Тем более новаторскими представляются основные научные идеи Петражицкого — культуролога и историка экономики и права. Как точно подметил П. В. Крашенинников в своей статье, публикуемой в настоящем издании, он анализирует, как появление, пусть и незначительного, числа представителей иной культуры, лучше овладевшей той или иной сферой экономической деятельности (а именно — торговлей, которую Петражицкий относит к психоюридическому аспекту экономики), может послужить одним из факторов развития нации, экономического прогресса и связанного с ним культурного прогресса. Изгнание сефардов из Испании в XVI—XVII вв. заметно снизило экономический потенциал этой страны, в то время как потенциал Голландии, куда по дороге на Восток прежде всего направились умелые торговцы и финансисты, значительно возрос. Это только один из фактов, которые выступали в качестве эмпирического материала для его последующего обобщения и индуктивных выводов в виде открытия новых социологических и экономических закономерностей. Помимо этого примера автор иллюстрирует свои выводы примерами из взаимодействия культуры древней Финикии, народ которой достиг огромных успехов в области кораблестроения и международной торговли и поэтому стал, как пишет Петражицкий,

¹ *Петражицкий Л. И.* Теория и политика права. С. LXVI.

экономическим благодетелем и пионером экономического прогресса среди других народов. Особенно значимую экономическую пользу извлек из их комплементарной деятельности совсем еще молодой в то время народ — греки. Оживление и развитие предпринимательства в Греции было обусловлено допуском финикийцев к торговле, и в итоге «учителя были замещены более деятельными и способными учениками» в условиях развивающейся конкуренции. Миграция греков на Запад, в новую культурную колыбель, к римлянам, привела к тому, что римляне превратились в активных пионеров коммерции, они создали со временем хорошо развитую торговлю по всему известному тогда миру, построив развитую сеть дорог и создав флот.

Реинкарнация финикийской торговой культуры произошла в раннее Средневековье благодаря варварам, захватившим Римскую империю, и прежде всего среди тех, культура которых развивалась на почве римско- и византийско-христианской культуры — италиков, а это венецианцы, генуэзцы, флорентийцы. У этих народов параллельно происходила трансформация психики, у них формировалось комплементарное мышление, в основном — торгово-кредитное. Затем италики стали массово переселяться в Византию, Константинополь, становясь там важным элементом торговли. А когда конкуренция с местными византийскими купцами и ремесленниками привела к ужасному погрому, Константинополь стал слабеть экономически, и в 1204 г. он был опустошен крестоносцами.

Петражицкий исследует и другие комплементарные взаимодействия между народами. С появлением мавров и евреев в Средневековой Испании она превратилась в новый культурный и экономический центр Европы. Богатая торговая мусульманская культура послужила толчком для расцвета этой страны.

Такое же комплементарное взаимодействие происходило позже в немецких княжествах, в Нидерландах, в Польше.

Великопольский князь Мешко III (1173—1177) отдал евреям управление таможенной и монетным двором своего княжества.

Первые еврейские общины существовали в Польше уже к XIII в., однако значительно еврейское население увеличилось, приняв евреев, изгнанных из других стран Европы, в том числе из Германии (1346), Франции (1394), Австрии (1420), Испании (1492), Португалии (1497). Король Казимир III Великий считается покровителем евреев в Польше. В 1334 г. Казимир Великий вывел евреев из-под юрисдикции немецкого права и с того времени еврейские общины напрямую находились под юрисдикцией королевского суда (Калишский статут).

В 1569 г. возникло новое государство – федерация Королевства Польского и Великого Княжества Литовского. Оно получило название Речи Посполитой, что является дословным переводом на польский язык латинских слов (*Res publica*; польское *rzecz* – вещь, дело; *pospolita* – общие), т.е. государство шляхетской демократии.

Стефан Баторий (1533–1586) дал разрешение приверженцам иудаизма заниматься любыми отраслями торговли, даже во время христианских праздников.

В 1580 г. Стефан Баторий учредил Сейм Четырех Земель (Ваад), центральную организацию еврейского самоуправления на землях Короны. Евреи тогда рассматривались как пятое сословие Республики – наряду с духовенством, шляхтой, мещанами и холопами.

Любопытные исторические факты: сын польского шляхтича и казачки Богдан Хмельницкий был предводителем казацкого восстания, в результате которого левобережный Днепр отложился от Речи Посполитой и вошел в состав Русского государства – на момент этого восстания, которое стало началом конца независимой Польши, приходился всплеск антисемитских настроений в этой стране.

В экономическую теорию понятие комплементарности ввел Карл Менгер, основатель австрийской экономической школы. В настоящее время то направление исследования, которое осуществлено Петражицким в его работе о комплементарных культурных течениях, получило глубокое развитие в институциональной экономике.

Методом индуктивного анализа институтов средневековой торговли занялся Авнер Грейф, автор известной книги «Институты и путь к современной экономике» (М., 2013).

Петражицкий как культуролог – это совершенно новая сторона его многогранного творчества. Культуру он определяет как элементы и свойства психики (эмоционального и интеллектуального), которые человеческий род получил не от природы, а в результате сложного процесса социализации.

Культура существует во множестве проявлений. Как писал Г. Радбрух, понятие культуры представляет собой смесь гуманизма и варварства, вкуса и его отсутствия, истины и заблуждений¹. Хотя сама по себе культура не является ценностью, но она – объективно существующая данность, смысл и значение которой заключается в создании ценности. В начале XXI в. идея о неэкономических гранях экономики и о том,

¹ См.: Радбрух Г. Философия права. М., 2004. С. 12–13.

что экономика (и право) находятся в сложном контексте истории и культуры, овладела умами экономистов¹.

В русском языке есть два близких по смыслу слова — «провозвестник» и «провозвещатель». «Провозвещать» — означает предсказывать, пророчить².

Самым поразительным образом профессор Петражицкий оказался провозвестником, ставшим очень популярным, направления в экономической теории, которое изучает влияние культуры на экономическое развитие. Этому посвящена моя статья в настоящем издании. Так, Петражицкий вполне может считаться одним из тех теоретиков права и обществоведов, которые предугадали, что другие дисциплины могут внести существенный вклад в понимание и совершенствование права.

В недавно вышедшей книге Ричард Познер, один из наиболее цитируемых авторов-юристов в мире, обращается к тому вкладу, который могут внести экономика, история, психология, эпистемология и даже статистика в правопонимание³.

В западной литературе не упоминаются фамилии русских авторов, которых можно рассматривать в ряду основоположников очень влиятельного в настоящее время научного течения «право и экономика». А между тем еще в 1896 г. была опубликована статья Г. Ф. Шершеневича «Экономическое обоснование авторского права»⁴.

Известный советский теоретик права член-корреспондент АН СССР, профессор Д. А. Керимов видел будущее отечественного правоведения в изучении двух фундаментальных проблем — методологии права и в междисциплинарных исследованиях⁵. Эта мысль созвучна идее Роско Паунда, одного из тех, кто развивал социологическое направление в науке права: «Современная наука права... отказалась от своей исключительности и стремится к тому, что можно назвать

¹ См.: *Истоки. Экономика в контексте истории и культуры*. М., 2004; *Неэкономические грани экономики: научные и публицистические заметки обществоведов*. М., 2010 / под ред. акад. О. Т. Богомолова; *Постклассическая онтология права* / под общ. ред. И. Л. Честнова. СПб., 2016. С. 133–150.

² См.: *Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля*. Т. 3. СПб.; М., 1882. С. 1238.

³ См.: *Познер Р.* Рубежи теории права. М., 2017. С. 6–7. См. также: *Дэвид Д. Фридман.* Порядок в праве. Какое отношение экономика имеет к праву и почему это важно. М., 2017.

⁴ *Шершеневич Г. Ф.* Избранное. М., 2015. С. 426–449.

⁵ См.: *Керимов Д. А.* Методология права. М., 2009. С. 19.

командной игрой с другими социальными науками»¹. Стоит вспомнить также имя замечательного советского и российского теоретика права Г. В. Мальцева, который писал о необходимости «смены вех» в научной методологии, поиске новой рациональности и важной для юристов синергетической методологии².

По мнению В. И. Крусса, автора статьи, помещенной в настоящее издание, Л. И. Петражицкий интуитивно предвосхитил многие аспекты теории конституционного правопонимания. Он делает акцент на общей актуальности неклассической методологии познания права и ее психологической версии для прояснения несостоятельности юридического позитивизма в современной конституционной ситуации. Обосновывается генетическая «предрасположенность» концепции Л. И. Петражицкого к участию в решении задач, обусловленных конституционными постулатами о личности как основном субъекте современного права, вытекающих из необходимости преодоления критических следствий исторического разделения права на публичное и частное, а также права и нравственности; вопросов природы правового и специфики конституционного усмотрения и научных критериев достоверности положительного права; актуализации справедливости как конституционного принципа и ценности.

М. В. Антонов разработал авторскую классификацию методологических идей, получивших развитие в юридической науке XIX–XXI вв. для понимания преград и механизмов действия права. По-прежнему преобладающим методологическим подходом в традиции романо-германской правовой семьи остается юридический позитивизм, в основе которого лежит понимание права как общеобязательных властных велений, т.е. как норм закона³.

Другим подходом к праву, получившим признание в англо-американском и скандинавском праве, стал правовой реализм, который исходит из того, что право нельзя ограничивать лишь правовыми нор-

¹ См.: *Paund R. The Scope and Purpose of Sociological Jurisprudence. // Harvard Law Review. 1911. V. 24. P. 251.* Стоит обратить внимание на очень красноречивое свидетельство влияния идей Петражицкого, ученик которого Питирим Сорокин, в свою очередь, оказал влияние на формирование идей Р. Паунда. Первый президент Американской ассоциации социологов Питирим Сорокин обосновал идею интегризма, в соответствии с которой социологическое знание будет развиваться в сторону создания обобщающей теории динамики различных социокультурных систем. По сути, это методология синергетических исследований в общественных науках.

² См.: *Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2007. С. 106–107.*

³ См.: *Антонов М. В. Теория государства и права. М., 2018. С. 191.*

мами, содержащимися в текстах законов, они лишь символы и знаки, по которым можно судить о действительном праве, которое проявляется в правоприменении, т.е. прежде всего в решениях судов. Под влиянием методологических идей представителей американского правового реализма сформировалась методология «права и экономики». Не случайно М. В. Антонов в своей классификации методологии и правопонимания рассматривает концепцию Л. И. Петражицкого в контексте правового реализма, полагая, что многие из его идей были сформированы в той же интеллектуальной обстановке и в плане тех же методологических представлений, что и концепции правового реализма. Концепция Петражицкого была и остается одной из наиболее последовательных версий правового реализма, т.е. описания права таким, каково оно есть, независимо от мнений юристов и правоведов¹.

Русские ученые, создававшие славу российской юридической науке за рубежом, оставались патриотами, они очень тяжело переживали то, что происходило в России после революции 1917 г., воспринимали это событие как «русскую катастрофу» и никак не могли примириться с ней. Л. Петражицкого еще более удручал тот стереотип отношения, который сложился на Западе. Незадолго до смерти в письме известному адвокату О. О. Грузенбергу, доверителями которого были Л. Н. Толстой, М. Горький, А. П. Чехов, В. Г. Короленко, В. Д. Набоков, П. Н. Милуков, он писал о том, как его раздражает отношение к России со стороны «глупого и злого человечества»².

В одном из своих выступлений о судьбах русской интеллигенции в изгнании другой выдающийся ученый-юрист, который, с моей точки зрения, находится на одном уровне и глубине научных идей с Петражицким, Евгений Васильевич Спекторский проводил несколько исторических параллелей: «Когда изгнанные из отечества английские пуритане отправлялись в заморские края, они захватили с собой самое драгоценное и самое святое — Библию... Когда Наполеон, окруженный блестящей свитой, на коне въезжал в одни ворота Йены, через другие ворота пешком уходил Гегель, унося под мышкой рукопись „Феноменологии духа“. Так и русские ученые, с пустыми руками, но с горячим сердцем отправлялись в изгнание. Они не имели с собой сундуков с ценностями, лишь святой пламень русского духа».

Он рассматривал пребывание в эмиграции как особого рода ответственную миссию, смысл которой раскрыл в статье «Эпохи русской

¹ См.: Антонов М. В. Теория государства и права. С. 268, 275.

² URL: <https://history.wikiredoliny.ru/291242>.

культуры»: «Не для того только мы оказались на чужбине, но также и на свободе, чтобы пользоваться безопасностью и удобствами жизни или чтобы пленять искусством свет... Мы должны если не продолжать в меру наших дарований неумирающее дело творимой русской культуры, то по крайней мере хранить ее достижения и не исказить их <...> На нас устремлены внимательные, редко дружелюбные, по большей части недоверчивые, а то и совсем враждебные взоры иноплеменников. И это обязывает. Мы никому не можем помешать ненавидеть нас. Но от нас зависит, чтобы нас не презирали. А для этого мы должны с полным сознанием и достоинством памятовать золотые слова Сувова: „Помилуй Бог, мы русские“»¹.

А вот что писал о русскости Петражицкого один из самых авторитетных специалистов в области юридической социологии Жан Карбонье, который совместил в одном подразделе имена Л. Петражицкого и Ж. Гурвича: «Может показаться странным соединение в одном подразделе автора, который никогда не переводился на французский язык, и автора, писавшего по-французски. Петражицкий родился в Польше и кончил там свою жизнь. Жорж Гурвич нашел во Франции родину, и здесь протекала его научная карьера. Но оба они были русской формации. Кроме того, Гурвич — ученик Петражицкого; он многим ему обязан и отдал ему дань уважения»².

Да, к сожалению, в истории русской культуры был не только «философский пароход», но и «юридический пароход». Но можно ли считать, что наследие русских ученых-юристов, оказавшихся в вынужденной эмиграции, что называется, кануло в Лету?

Так уж сложилось, что мощный поток юридической мысли золотого века русской юриспруденции раздвоился. Представители теории права, оставшиеся в СССР, развивали позитивистское правопонимание, остановившись в развитии в XX в. в силу господствующей партийной идеологии. Но славу и авторитет русской науки теории и философии права подтвердили ученые, творившие на чужбине. Это они, и в их числе в первую очередь Л. И. Петражицкий, создавали задел, благодаря которому в настоящее время развиваются посткласические концепции правопонимания³.

¹ *Записки* Русского научного института в Белграде. Белград, 1939. Вып. 14. *Rach Ros-sica*. С. 402. Цит. по: *Юристы и революция. Pro et Contra* / авт. и сост. С. М. Шахрай и К. П. Краковский. М., 2017. С. 257.

² *Карбонье Ж.* Юридическая социология. М., 1986. С. 112.

³ См.: *Киссель М. А.* Джамбаттиста Вико. М., 1980. С. 56.

Дж. Вико очень точно подметил содержание научной деятельности, обратив внимание на то, что «познание опирается на такую странную способность ума, как все связывать»¹. Он, кстати, одним из первых исследовал истоки римского права и заложил научную традицию поиска сложной контекстуальности юридических норм. Свою философию права он изложил в диалогии «О неизменности правоповедения» (1720–1721).

Следуя заложенной им традиции, Освальд Шпенглер обращал внимание на то, что в праве есть своего рода логическая сторона. Право — это система норм, представляющих собой логические понятия, подвергшиеся систематизации. В юриспруденции все основано на классификациях, юридических силлогизмах и субсумпциях. Но нельзя в понимании права ограничиться только правовой логикой, поскольку право — это только одна разновидность (система) социальных норм, и оно находится в сложных взаимосвязях с другими системами социального регулирования. О. Шпенглер по этому поводу писал, имея в виду рецепцию римского права, что западноевропейское правовое мышление ограничилось тем, что переняло лишь античные слова, обозначающие юридические понятия. «В контексте раскрывается лишь логическое словоупотребление, но не жизнь, лежащая в его основе, — писал О. Шпенглер. — Умолкнувшую метафизику древних правовых понятий не пробудить мышлением чуждых ей людей, сколько бы они их ни применяли. Ведь самое главное, глубинное подразумевается здесь само собой, **ни в каком праве в мире о нем не говорится**. Самое существенное всякое право **предполагает, этого не оговаривая**; право обращено к людям, а люди из статутов, внутренним образом понимают то, о чем нет нужды говорить, понимают именно в силу этого и прекрасно себе представляют, как им пользоваться. Всякое право **есть по преимуществу обычное право**: пускай себе закон определяет слова — жизнь их истолковывает (выделено мной. — Г. Г.)»². Не случайно В. И. Крусс в своей статье, публикуемой в настоящем издании, фокусирует внимание читателя на главном в психологической теории Л. И. Петражицкого — это теория (феноменология) права и человека в их онтологической связанности.

Время подтвердило правоту и прозорливость этой теории. Право, как писал Гегель, это только один момент, одна сторона жизни единого

¹ См.: Честнов И. Л. Постклассическая теория права. СПб., 2012; Поляков А. А. Коммуникативное правопонимание: Избр. тр. СПб., 2014.

² Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. М., 1998. С. 85.

целого, т.е. общества. Поэтому в рамках концепта социокультурного концептуализма И. Л. Честнов сформулировал онтологический принцип релятивизма права: право — это социальное явление, обусловленное взаимодействиями с другими социальными феноменами, вне и без которых право не существует, и с обществом как социальными представлениями (по терминологии С. Московичи), воспроизводимыми практиками широких слоев населения и объединяющими людей на определенной территории. Отсюда напрашивается тезис, который может показаться эпатажирующим: нет «чистых» правовых явлений, как нет и не может быть «чистой системы права» Г. Кельзена. Право существует в социальном мире в виде взаимодействия людей, опосредованных социальными представлениями, объективированными знаковыми формами, например, нормативными правовыми актами.

В этих интеракциях всегда сосуществуют психика (психические феномены), культура, язык, часто — экономика, политика и т.п. Выделить юридический момент, например, в договоре купли-продажи, перевозки или в голосовании на избирательном участке, в подаче жалобы и т.д., можно только аналитически. Таким образом, нет правовых явлений (законов, индивидуальных актов, правоотношений), которые одновременно не были бы психическими (как писал в свое время Л. И. Петражицкий), экономическими, политическими и т.д. — в широком смысле — социокультурными феноменами.

При выборе авторов статей, помещенных в настоящее издание, я руководствовался не только целью напомнить о великом ученом в год 150-летия со дня его рождения, но и показать, какое обширное, многодисциплинарное наследие он оставил. Для нас, юристов, особенно важным является то, что он был в числе тех, кто убеждал в недостаточности концепции позитивистского правопонимания. На это обстоятельство, пожалуй, первым обратил внимание Б. Н. Чичерин, который в весьма критической статье о работе Л. И. Петражицкого «Очерки философии права» писал о том, что опытная психология понадобилась Петражицкому прежде всего для отрицания метафизической, позитивистской юриспруденции, в центре которой — заикленность на юридических понятиях, юридической логике¹.

Г. А. Гаджиев,

*доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации*

¹ См.: *Вопросы философии и психологии*. СПб., 1900. Кн. 5.

ЛЕВ ИОСИФОВИЧ ПЕТРАЖИЦКИЙ

Л. И. Петражицкий (1867–1931) прожил удивительную, богатую непростыми событиями жизнь. Его учения, идеи, гениальные догадки надолго пережили самого выдающегося мыслителя и продолжают свое развитие в работах его учеников и последователей в наши дни.

Столкновения идеальных представлений о жизни с ее грубой прозой нередко заканчиваются трагически. Именно это произошло со Львом (Леоном) Петражицким, что заставляет нас по-особому взглянуть на его богатейшее творческое наследие.

Л. И. Петражицкий рискнул рассмотреть право как результат эмоционального постижения мира. В своих исследованиях он опирался на логику, юриспруденцию и психологию. К моменту начала этого отважного предприятия Лев Иосифович уже снискал себе славу незаурядного ученого-правоведа.

Первоначально Л. И. Петражицкий учился на медицинском факультете Киевского университета, затем перешел на юридический, но обучение здравоохранению, как мы увидим далее, не пропало даром.

В годы учебы праву он перевел «Пандекты» Барона, и этот перевод стал своего рода учебником для многих поколений студентов-юристов. По окончании университета Петражицкий был направлен на стажировку в Берлин. В Германии он опубликовал две крупные работы — «Распределение дотальных плодов», развивающую учение римского права о доходах, и «Введение в науку политики права», посвященную проекту Гражданского уложения Германской империи¹.

В 1896 г. он преподавал в Киевском университете. В 1897 г. Лев Иосифович стал ординарным профессором права в Санкт-Петербургском университете, возглавив кафедру энциклопедии и философии права. Он сменил на этом посту старшего коллегу — одного из корифеев общей теории права Н. М. Коркунова, который, кроме прочего, утверждал, что «в психике человека видел глубинные основы права и власти»².

¹ См.: *Ем В. С., Долгов А. Г., Рогова Е. С.* Крупнейшая величина в области юридических и вообще гуманитарных наук... // *Петражицкий Л. И.* Права добросовестного владельца на доходы с точки зрения догмы и политики гражданского права. М.: Статут, 2002. С. 8–9.

² *Зорькин В. Д.* Теория права Н. М. Коркунова // *Правоведение.* 1978. № 3. С. 81.

С юриспруденцией и логикой дела у Петражицкого обстояли как нельзя лучше. А вот что касается психологии, то эта дисциплина в то время делала еще только первые шаги. По мнению известного американского философа и психолога Уильяма Джемса (1842–1910), психология была не наукой, а всего лишь «надеждой на науку». Собственно, и в наше время психология представляет собой нечто среднее между наукой и паранаукой. До сих пор нет общего мнения психологов, что же является объектом этой дисциплины — тело или душа. Она сочетает в себе как естественнонаучное начало (физиология, медицина), так и гуманитарное, порой граничащее с эзотерическими исканиями.

На рубеже XIX–XX вв. уже существовали работы И. М. Сеченова, И. П. Павлова и В. М. Бехтерева по физиологии высшей нервной деятельности, а также работы З. Фрейда. Но это были только наброски будущей дисциплины. Это никак не смутило Льва Иосифовича. В стиле древнегреческих софистов он решил ввиду отсутствия психологии как науки соорудить ее самому, так сказать «из ума», по-видимому, на основе доминировавших тогда методов наблюдения и самонаблюдения. Так появилась «эмоциональная психология».

Скажем прямо, «эмоциональная психология» Петражицкого, адаптированная им к нуждам философии права, не вошла в «золотой фонд» психологии как дисциплины. Однако если Лев Иосифович и не решил глобальных проблем психологии, то он сумел поставить весьма важные и актуальные вопросы относительно формулирования аксиом права. А правильная постановка вопроса — это уже половина решения задачи.

Основной пафос учения Петражицкого заключается в отрицании всех известных к тому времени определений права, как то: «веления» в виде государственных принудительных норм; защита и разделение прав и интересов граждан путем опять же принудительных норм, исходящих от государства; «общая воля» участников общения, заключающих «общественный договор»; разграничение «сфер свободы» граждан, — а также всевозможных комбинаций этих определений¹. Среди тех, чьи учения он опровергает, есть и представители российского социологического направления в праве: его соратник по политической деятельности С. А. Муромцев, а также упоминавшийся ранее Н. М. Коркунов.

Согласно Л. И. Петражицкому, видеть в праве инструмент достижения каких-либо целей в корне неверно. Право регулирует поведение

¹ См.: *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. СПб.: Тип. СПб. акц. общ. «Слово», 1907. С. 242–308.

людей, а оно зачастую расходится с логикой. «Если произвести научный психологический диагноз мотиваций, лежащих в основании тысяч совершаемых нами ежедневно телодвижений... то окажется, что сотням случаев предметной мотивации соответствуют единичные случаи мотивации целевой»¹. Он объявляет право исключительно психическим явлением. Все остальное, что обычно включается в понятие права (нормы, отношения, властное принуждение), непосредственно правом не является; это лишь нормативные факты, вызывающие специфическую реакцию в психике людей.

Поведение людей определяется их психикой, которую Петражицкий сводит к эмоциям. Он определил эмоцию вполне физиологически — как специфический нерасторжимый процесс возбуждения-торможения в человеческом организме, возникающий при взаимодействии людей по поводу духовных и материальных благ. Эмоции делятся на два класса: эстетические и этические. Эстетические эмоции связаны не только с восприятием произведений искусства, но и с укоренившимся в человеке набором обычаев, например, с правилами хорошего тона, оценкой тех или иных поступков по принципу «красивый, благородный поступок — некрасивый, подлый поступок», и т.д.

В свою очередь, этические эмоции отличаются своеобразным мистическо-авторитетным характером и противостоят эмоциональным склонностям человека, физиологическим влечениям и т.п. Это «импульсы с высшим ореолом и авторитетом, исходящие как бы из неведомого, отличного от нашего обыденного и таинственного источника». Наряду с нашим *я* имеется налицо еще какое-то другое существо, противостоящее нашему *я* и понукающее его к известному поведению, какой-то таинственный голос обращается к нам, говорит нам. «Сюда, например, относится слово „со-весть“ — „со-ведать“, указывающее на наличие другого существа»². Так что, отвечая на извечный русский вопрос: «Как судить вас будем, мужики, по закону аль по совести?» — мужики дружно отвечали: «По совести», справедливо полагая, что закон с его неумолимой определенностью будет к ним менее благосклонен, чем сакраментальный «таинственный голос».

Говоря об эмоциональной психологии Петражицкого, невозможно не упомянуть имя выдающегося советского психолога Льва Семе-

¹ *Петражицкий Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. С. 17.

² Там же. С. 30.

новича Выготского (1896–1934). Большую часть своей творческой жизни Выготский, работавший в то же время, что и Лев Иосифович, посвятил дефектологии – науке о методах социализации детей с физическими или психическими недостатками путем их воспитания и обучения. Оказалось, что наблюдение за процессом социализации детей, начиная с младенческого возраста, дает гораздо больше информации о становлении и развитии социума, нежели результаты археологических изысканий и общение с сохранившимися реликтовыми сообществами первобытных людей, на которых изначально базировалась социология.

Человек рождается совершенно беспомощным и долгое время не может выжить без участия взрослых людей. В процессе дальнейшего воспитания и обучения он осваивает культуру своего сообщества. Исторически развитие социума происходило в той же последовательности, только древним людям приходилось самим создавать знаковые системы и фиксировать в них культуру, вырабатываемую в процессе жизнедеятельности.

«Человек в процессе своего исторического развития, – писал Выготский, – возвысился до создания новых движущих сил своего поведения: так в общественной жизни человека возникли, сложились и развились его новые потребности, а природные потребности человека в процессе его исторического развития претерпели глубокие изменения»¹. Результатом этого развития стала культура – материальная и духовная.

Психология человека определяется не его физиологическими или умственными особенностями, а прежде всего его местом в системе общественной деятельности, используемой им знаковой системой и современными ему общественными отношениями. Фрейдистская трактовка сознания и психологии как набора низших «бессознательных» физиологических функций – это, по мнению Выготского, «помойка», «изучать» которую могут разве что «шарлатаны» – психотерапевты.

Овладевая природой, изменяя ее, человек изменяет и себя. Именно в результате человеческой деятельности (труда) и возникли высшие психические функции, свойственные только человеку, которые, собственно, и делают его человеком. Генетически высшие социальные функции имеют социальную природу. Психологическая природа человека представляет совокупность общественных отношений, пере-

¹ *Выготский Л. С. История развития высших психических функций // Собр. соч. Т. 3. М., 2003.*

несенных внутрь его и ставших функциями личности и формами ее структуры¹.

Образно говоря, каждый человек является индивидуализированной (и неполной) копией своего социума. Именно эти индивидуальные отклонения и являются механизмом возникновения новых культурных образцов, а значит, и развития, как материального, так и духовного.

Используя современные аналогии, можно сказать, что социум и культура вкуче представляют собой нечто вроде компьютера: социум является как бы его материальной частью, а культура – программным обеспечением. Понятно, что программное обеспечение не только не может функционировать без, как говорят, «железа», но и во многом определяется возможностями собственно электронного устройства. Вместе с тем архитектура «железа» во многом определяется теми задачами, которые предстоит решать компьютеру. То есть культура, являясь порождением социума, в значительной мере определяет его дальнейшее развитие и устройство.

К сожалению, Л. И. Петражицкий ничего не знал о работах Л. С. Выготского, хотя они появились еще при жизни Льва Иосифовича. Более того, о работах Выготского ничего не знали и такие выдающиеся ученики Петражицкого, как П. А. Сорокин, Г. Д. Гурвич и Н. С. Тимашев, поскольку широкую известность они получили лишь в 60-е гг. прошлого века.

Поэтому «эмоциональная психология» Петражицкого пестрит такими малопонятными терминами, как «моторные реакции», «телодвижения», «импульсии», «репульсии» и т.д., поскольку он стремился, следуя Фрейдю, вывести высшие функции (социальное поведение) из низших (эмоции), против чего так активно выступал Выготский.

В итоге Петражицкий разделил право на две части – позитивное (сфера действия исключительно в распорядительной сфере государства) и интуитивное (выполнение человеком обязательств по отношению к другому человеку, возникших вследствие двусторонней эмоции и не зафиксированных ни в одной норме). Параллельное действие этих двух «прав» возможно, например, в семье.

На основе этой классификации права он пытается ответить на вопрос, почему люди живут в соответствии с законами, порой не подозревая об их существовании. Оказывается потому, что интуитивное право стремится превратиться в позитивное. «Этим объясняется отчасти

¹ См.: Юдовин И. Гений психологии. Лев Семенович Выготский // Журнал-газета «Мастерская». 2013. 5 нояб. URL: <http://club.berkovich-zametki.com/?p=7937>.